

История номер два

Она связана с авторской рукописью С. Прокофьева 1942 года — десятью номерами из оперы "Война и мир", которые композитор отправил из эвакуации в Москву для перепечатки на стеклографе. Рукопись экспонировалась на выставке "Музыкальный театр Сергея Прокофьева" в музее в 1997 году.

Эти нотные листы, являющиеся знаменем времени, "украшены" разнообразной формы и размеров печатями, о назначении которых, конечно, догадываешься, но расшифровка аббревиатуры печатей, принадлежность к тому или иному ведомству поставила в тупик деятелей культуры даже весьма преклонного возраста. Сейчас мало кто помнит (наверное, это и хорошо) полное наименование аббревиатуры ГУРК. Ведь речь идет о цензурных разрешительных печатях советского государства, от которых работающие в современных издательствах уже отвыкли.

О наличии такого же штампа ГУРК на нотах из фонда музея рассказал В. И. Сорокин, который обнаружил его на издании народной шуточной песни "Мой муженька, раба-тешенька" в обработке А. В. Свешникова. Это дешевое издание 1930 года из репертуара клубного хорового кружка, видимо, готовилось к новой публикации, потому что на штампе 1944 года "Проверено ГУРК" значилось также еще и "Разрешается к печати".

Судьба оперы "Война и мир", и в частности музейной рукописи, является ярким свидетельством руководящей роли государства в управлении искусством. Эта идея реализовывалась в советском государстве практически с первых лет его существования. Названия учреждений менялись, генеральная линия оставалась постоянной. В 1923 году в системе Наркомпроса РСФСР был учрежден Главрепертком, который рассматривал произведения для публичного исполнения, составлял списки разрешенных и запрещенных произведений, контролировал соблюдение установленных правил. В 1928 году центральный советский орган Главискусство объединил руководство искусством, ранее рассредоточенное по управлениям Наркомпроса. В него вошел и Главрепертком. В 1933 году Главискусство преобразовали в Управление театрально-зрелищными предприятиями (УТЗП), где ГУРК обладал широкими полномочиями. В 1936 году руководство всеми видами искусства отошло к Комитету по делам искусства при Совете Народных Комиссаров СССР.

Печать вот этого-то ГУРКа — Главного управления по контролю за репертуаром и зрелищами Комитета по делам искусств при СНК СССР и красуется на первом листе автографа Прокофьева. На ней значится: "Разрешить к исполнению (...) Отрывки из оп. "Война и мир". Автор С. Прокофьев, М. Мендельсон. № 675/о. 23.XII. 1942". Каждая нотная страница имеет штамп "Проверено ГУРК". Еще один штамп дает разрешение к печати; еще одна подпись разрешает существование музыки как бы вообще.

По поводу создания оперы "Война и мир" написано много и потому остановимся только на интересующих нас моментах. Прокофьев написал оперу очень быстро, восемь-девять месяцев потребовалось ему для создания клавира — и это при постоянных переездах, неустойчивости жизни в эвакуации. Но как бы то ни было, совместная работа Сергея Сергеевича с женой (она помогала ему в составлении либретто) шла продуктивно. "Мы старались по возможности не отступать от текста Толстого", — писала в "Дневнике" М. Мендельсон.

В тех городах, где Прокофьев жил в эвакуации, он не раз проигрывал коллегам фрагменты из оперы, интерес к ней был огромный. В феврале 1942 года в Тбилиси приезжали председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко и сотрудник Комитета музыковед С. И. Шлифштейн, которому Прокофьев играл оперу — ее с нетерпением ждали в Большом театре. В марте "Войну и мир" прослушивали в тбилисском театре; готовился клавира для Кировского театра. Произведение собирались ставить в Баку. Л. Стоковский планировал постановку "Войны и мира" в Метрополитен-опере.

В марте Прокофьев сообщает М. Б. Храпченко об окончании работы. Комитет тут же вызывает композитора в Москву для прослушивания "Войны и мира". Прокофьев оттягивал отъезд в столицу, поскольку уже имел приглашение от Эйзенштейна приехать в Алма-Ату для работы над фильмом "Иван Грозный". Композитор надеялся, что Комитет сможет ознакомиться с оперой в его отсутствие и потому клавира, который готовился для Кировского театра, был отправлен с okazji в Москву.

12 мая Я. Флиер привез весточку о состоявшемся в Комитете по делам искусств прослушивании оперы "Война и мир" в исполнении пианистов С. Рихтера и Анат. Ведерникова. 22 мая пришел отклик от Шостаковича. "Впечатление у меня осталось огромное", — писал Дмитрий Дмитриевич. Возможной постановкой оперы в Большом театре заинтересовался Самосуд, режиссером спектакля прочили Эйзенштейна...

Однако не все было ладно. В письме из Комитета по делам искусств от 19 июня 1942 года М. Б. Храпченко, говоря об удачных и убедительных лирических сценах оперы, выражал сомнения и серьезные опасения

касательно народных сцен, в которых "почти не раскрыты глубокие народные чувства, многообразные переживания народа, ведущего борьбу с врагом". "Ваша опера нуждается в доработке" — писал он. Подробные советы по изменениям в опере содержались в письме С. Шлифштейна. М. Мендельсон вспоминает: "Семен Исакович Шлифштейн, работавший в Управлении музыкальными учреждениями при Комитете по делам искусств, делился своими соображениями по поводу оперы и сообщал перечень желательных доработок". В музыковедческой же литературе этот эпизод подавался так: Прокофьев консультировался с сотрудниками Комитета по поводу написания оперы "Война и мир".

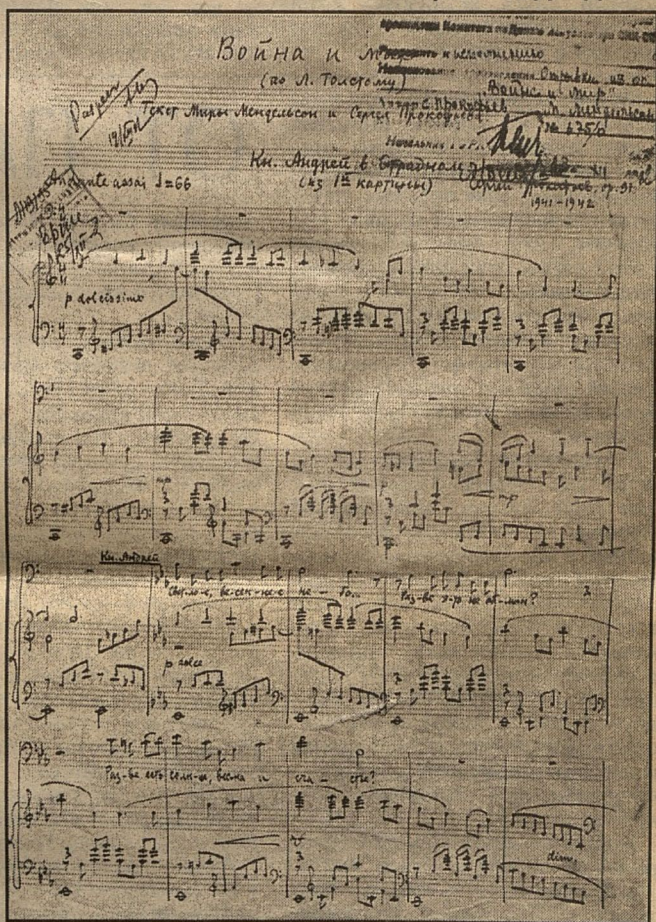
О том, что происходило с автографом, рассказывают другие архивные документы. 15 октября 1942 года Прокофьев пишет родителям жены: "На стеклографе же ММСК (Музфонд Московского союза композиторов — И. М.) хочет выпустить ряд номеров вокальных и хоровых из "Войны и мира". Пока дело дойдет до постановки и настоящего издания, неплохо, чтобы они появились в этом виде, поэтому я сейчас отбираю и переписываю десяток номеров и пошлю их в Москву".

В письме Прокофьева директору Музфонда Л. Атовмяну от 29 октября читаем: "Вчера я выслал Вам заказную бандеролью десять вокальных и хоровых номеров из "Войны и мира" для стекла. Рукопись, получение которой прошу подтвердить телеграфно, написана моею рукою, и я препоручаю ее Вашим заботам, дабы ее не запачкали и не затеряли, а в дальнейшем вернули мне". В письме С. Шлифштейну от 1 ноября есть такие строки: "По предложению Атовмяна я послал ему для стекла 10 законченных отрывков из "Войны и мира". Пусть теперь говорят, что в моих операх мало законченных номеров!"

Надежда композитора на появление этих номеров в печатном виде оправдалась — в 1943 году они вышли малым тиражом под редакцией Л. Атовмяна и так же, как стеклографическое издание "Войны и мира" 1943 года, находятся в фонде музея. Дальнейшую судьбу автографа до лета 1974 года, когда он был куплен музеем, проследить пока не удалось. К Прокофьеву ноты не вернулись, хотя их не запачкали и не затеряли. Вполне возможно, они находились в Музфонде до завершения издания клавира в 1943 году. Впоследствии к десяти номерам прокофьевской чистовой рукописи, написанной чернилами, добавили карандашную рукопись Эпиграфа и переплели в отдельную тетрадку. Видимо, это сделал владелец автографа, так что в настоящее время в этой тетрадке находятся одиннадцать номеров из оперы "Война и мир".

Далее композитор был вынужден не раз возвращаться к произведению и перерабатывать его, а премьера в Большом театре, на которую Прокофьев надеялся весной 1943 года, состоялась там лишь в декабре 1959 года.

Ирина МЕДВЕДЕВА.

Редактор "Музыкального листа"

И. А. Медведева.